

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Witold Armon. *Polscy badacze kultury Jakutów*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1977, 180 s.

Труды польских дореволюционных исследователей (в подавляющем большинстве политических противников русского царизма) играют важную роль в сибиреведении. Благодаря подвижничеству таких ссыльных революционеров, как В. Серошевский, Э. Пекарский, Н. Виташевский, С. Ястремский и др. еще во второй половине XIX в. контуры домарксистского якутоведения приобрели почти законченные очертания. Вкладу польских исследователей в изучение Сибири посвящена рецензируемая книга Витольда Армона «Польские исследователи культуры якутов».

Названная монография — итог многолетней работы автора над обширной литературой и архивными документами. При этом он использует не только польские, но и русские источники. Иначе и быть не могло: ведь основная творческая деятельность польских ученых-якутоведов протекала в России.

В книге представлены 25 поляков-исследователей, которые оставили ценнейшие этнографические, лингвистические, а также фольклорные работы, написанные по материалам, собранным в результате тесных личных контактов с якутами.

В. Армон не ставит цели (что совершенно верно!) детально пересказывать труды исследователей, которым посвящена книга. Не пытается он и систематизировать, например, вопросы якутской этнографии: «Ввиду наличия прекрасной и хорошо известной книги Вацлава Серошевского „12 лет в краю якутов“ (в русском варианте „Якуты“. — В. И., И. Л.), — пишет он, — ...специальное рассмотрение народной культуры якутов было бы повторением Серошевского своими словами» (стр. 15).

В. Армон поставил перед собой (и успешно решил) гораздо более важную научную задачу. Он показал внутреннюю эволюцию исследований польских этнографов, лингвистов, фольклористов по якутам. В книге прослеживается как влияние различных научных школ второй половины XIX в. на труды польских ученых, так и влияние польских исследователей на развитие сибиреведения в целом. С волнением читаются страницы, где описываются труднейшие условия, в которых приходилось работать польским ученым (в особенности ссыльным революционерам).

Для характеристики польских исследователей автор использует не только литературу, но и богатые документальные источники. Архивные разыскания велись им в хранилищах Советского Союза и ПНР. Он ввел в научный оборот совершенно новые данные о таких польских этнографах, как В. Серошевский, Э. Пекарский, А. Шиманский и др.

Пересмотрены и устаревшие взгляды и оценки. Например, в работе В. Армона заметное место занимает новая интерпретация творческого метода Н. Виташевского, которым он заинтересовался еще в студенческие годы и о котором напечатал обстоятельную статью. Материалы статьи, ныне вошедшей в монографию, обновлены в свете последних данных. Благодаря кропотливому изысканию ученого впервые открыты для польского читателя Ю. Матушевский, Т. Августинович, З. Венгловский, Я. Котон, Ф. Богданович, Я. Строжецкий и др. В этом плане опять-таки чрезвычайно интересны архивные находки. Так, например, в разделе о Я. Строжецком — этнографе, «приспособившем к полевым исследованиям фотоаппарат и фонограф» (стр. 151), сообщается, что он на севере Якутии сделал тысячи фотографических снимков (часть их хранится в архиве ЦК ПОРП), а также записал в 1902 г. на 12 валиках фонографа шаманское камлание, кумысную песнь и др. Весьма возможно, что редчайшие фонографические записи, отправленные тогда Строжецким в Петербург, сохранились по сей день в каких-либо музыкальных «запасниках». Стоило бы их поискать!

В. Армона интересуют и неизданные рукописи польских якутоведов XIX в. Вслед за Л. И. Ровняковой¹ он сообщает, что в архиве Географического общества (Ленинград) хранится второй том капитального труда В. Серошевского «Якуты», подготовленный к печати еще в 1902 г., но так и неизданный. А в архивах Варшавы и Кракова находится крупная (неоконченная) работа А. Шиманского «Якутская земля и ее обитатели». Есть указания и на ряд других интереснейших рукописных материалов, до сих пор неизвестных советским исследователям.

Доскональное знание предмета позволяет В. Армону разрешать порой и затянувшиеся споры, касающиеся личности исследователей или оценки их работ. Можно привести лишь два примера. Так, он снимает с А. Шиманского бытовавшее в литературе нелепое обвинение, что будто бы тот предлагал полиции свои услуги по слежке за ссыльными. Он показывает также истинную подоплеку появления статьи В. М. Ионова (1914 г.), где автор громил «Якутов» В. Серошевского, как считает В. Армон, по подделке Э. Пекарского. Впрочем, по нашему мнению, В. Армон склонен несколько преувеличивать «антагонизм» между двумя выдающимися якутоведами — В. Серошевским и Э. Пекарским. Об этом говорит, например, тот факт, что во втором польском издании «12 лет в краю якутов» (1935 г.) В. Серошевский называет Э. Пекарского «товарищем по ссылке»² и довольно часто ссылается на «Словарь якутского языка» Э. Пекарского, присланный автором В. Серошевскому в Польшу (1927 г.).

Наконец, в процессе своего исследования В. Армон попутно оценивает и труды советских ученых, имеющих отношение к его теме. Так, он положительно отзывался о работах А. И. Андреева, Ф. Г. Сафронова, Г. У. Эргиса, С. И. Боло и др. Вместе с тем вслед за Б. О. Долгих, А. И. Новгородовым, С. А. Токаревым³ и Г. Свенко⁴ он критикует брошюру Г. П. Башарина «Обозрение историографии дореволюционной Якутии» (Якутск, 1965 г.), отдельные положения которой справедливо называет «совершенным недоразумением» (стр. 114).

Представляется целесообразным издать содержательную и полезную книгу В. Армона в русском переводе в нашей стране; она нужна советским сибиреведам, которые далеко не все владеют польским языком. Да и для массового читателя она имеет большой познавательный интерес.

В. Ф. Иванов, И. А. Ласков

Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung, Bd. 1 (1—5), Berlin — New York, 1977, S. 703.

Вышел первый том «Энциклопедии сказки» — событие, имеющее огромное значение для всей международной фольклористики.

«Энциклопедия сказки» задумана как научное руководство по сравнительному и историческому изучению устной прозы. Предполагается выпустить 12 томов, каждый из которых, объемом около 700 стр., будет выходить пятью выпусками. Поскольку ежегодно будет выходить только два-три выпуска, можно думать, что это грандиозное предприятие завершится лишь в самом конце нашего века.

По мысли инициаторов этого издания, энциклопедия сказки подведет итоги полусторавековому изучению народной сказки.

«Энциклопедия сказки» рассчитана не на узкий круг читателей-специалистов, а обращена ко всем тем, «кого интересует то, что в течение тысячелетий человек говорил о внешнем и внутреннем мире». Этнические и художественные особенности устной прозы будут раскрыты в «Энциклопедии сказки» с учетом интересов деятелей науки, литературы и широких кругов читателей.

Приступая к работе, издатели энциклопедии предполагали продолжить «Словарь немецкой сказки», издание которого было начато в 30-х годах и прервано войной. Однако, принимая во внимание, что в настоящее время подлинно научное изучение сказки возможно лишь в широком, глобальном плане, они отказались от этого намерения.

Новое начинание, предпринятое на более высоком уровне, поставило перед исполнителями и много новых задач. Необходимо было подготовить для сотрудников «Эн-

¹ Л. И. Ровнякова. Вацлав Серошевский — исследователь Якутии. — «Польско-русские литературные связи». М., 1970, с. 333—344.

² *Wacław Sieroszewski*. Dziela, Krakow, 1961, t. XVII, cz. 2, s. 113.

³ Б. О. Долгих, А. И. Новгородов, С. А. Токарев. Письмо в редакцию. — «История СССР», 1967, № 3, с. 226, 227.

⁴ Г. Свенко. Вацлав Серошевский и его труды о якутах (к 70-летию выхода в свет первой этнографической монографии о якутах). — «Известия СО АН СССР. Серия общественных наук», 1969, № 1, в. 1, с. 74—78.